

МЕРАЙЛИ

НЕЗАВЕРШЕННОЕ

У Цяо Гу Ши

перевод с китайского

吾僑故事

© Мерайли, 2002–2009

<http://unism.narod.ru/mer/index.htm>

<http://unism.pjwb.org/mer/index.htm>

<http://unism.pjwb.net/mer/index.htm>

- © Допускается копирование текста в любой форме, целиком или частично, с любыми изменениями, включая перевод на другие языки, с любыми целями (в том числе коммерческими), при условии, что это не ограничивает свободы распространения данного оригинала.

СТАРОДАВНИЕ ИСТОРИИ

Встреча У Цяо и Цинь Хуа

Много лет У Цяо жил в небольшой хижине на берегу ручья в лесу Шу-цзянь, неподалеку от Гуань-ляо. Он любил гулять вдоль ручья и подолгу сидел около небольшого водопада в нескольких ли от хижины. Иногда он бросал кусочки дерева в ручей выше водопада и наблюдал, как они исчезают в бурлящей воде и появляются снова ниже по течению.

В Гуань-ляо жила девушка по имени Цинь Хуа. Однажды она пошла с подругами в лес и заблудилась. Она шла по лесу, звала подруг, и все время прислушивалась, пытаясь различить в шуме леса их голоса. Когда ветер донес до ее ушей звук падающей воды, она обрадовалась, ибо подумала, что это шумит мельница, где можно будет расспросить людей о дороге. Она побежала на звук и даже поцарапала щеку о ветку — так она торопилась. Когда она увидела водопад, и никаких признаков жилища, у нее подкосились ноги, она упала в траву и заплакала.

Когда девушка устала плакать, она задремала. Разбудил ее слабый шорох неподалеку, будто кто-то раздвигал сухие ветки. Цинь Хуа открыла глаза и увидела странного мужчину в необычной одежде, который не спеша поднимался к водопаду по противоположному берегу и по пути время от времени наклонялся и что-то искал в траве. Она хотела окликнуть его — но подумала, что ей все это снится, и нет смысла звать. Тем временем мужчина, по-видимому, нашел то, что искал: небольшой кусок дерева, обломок сухой ветки. Девушке стало любопытно, что же будет дальше, и она даже забыла о своем несчастье.

У Цяо (а это был он) бросил кусок дерева в воду недалеко от водопада, там, где течение было не очень сильным. Потом он

спокойно спустился к подножию водопада, сел на камень и стал ждать. Брошенный им кусок дерева подплыл к водопаду, завертелся, потом упал вниз и скрылся в брызгах. Вскоре он вынырнул ниже водопада, прямо у того места, где сидел У Цяо, и спокойно поплыл по течению, будто и не было перед рядом бурного потока. У Цяо встал и тихо скрылся в лесу, а Цинь Хуа, тоже следившая за куском дерева, этого сначала не заметила. Потом она спохватилась, и поняла, что это был не сон. Она хотела позвать таинственного незнакомца — но вдруг вспомнила, как мельник что-то рассказывал о водопаде на ручье, чуть выше по течению. Цинь Хуа вскочила на ноги и пошла вдоль ручья, и скоро вышла к мельнице, а оттуда ее подвезли до дома знакомые ее отца.

Учение У Цяо

Как-то раз к У Цяо пришел юноша и сказал, что наслышан о мудрости У Цяо и хотел бы пожить рядом с ним и учиться у него. У Цяо не возражал и они ночевали вместе с ним в его хижине, а днем вместе наблюдали за всем происходящим, пытаясь достичь учености и проникнуть в суть вещей. Юноша все ждал, что У Цяо начнет рассказывать об открытых им тайнах мира, но тот ничего не говорил, и по видимости не собирался ничему его учить. Так продолжалось много дней, и наконец ученик не выдержал и напрямую спросил У Цяо, когда же начнется учение. У Цяо попросил его приготовить принадлежности для письма. Юноша обрадовался, подумав, что ему доверят записать нечто очень важное. Однако У Цяо лишь пригласил его на открытое место, посадил лицом к западу и предложил перенести на шелк последний луч заходящего солнца. Не успел юноша начертать и двух иероглифов, как солнце ушло за горизонт и стало темно. На следующий день У Цяо привел ученика к ручью, бросил в воду травинку и предложил изобразить, как она убегает вниз по течению. Юноша снова не успел ничего сделать. На третий день У Цяо предложил ученику описать полет ласточки — и снова у того ничего не получилось.

Юноша так и не смог рассказать, какими они были — этот закат, эта травинка на воде, эта ласточка в небе.

На следующий день вечером У Цяо снова привел юношу на открытое место и сказал просто смотреть на закат солнца, ничего при этом не делая. Наутро он предложил вспомнить этот закат и попытаться написать о нем. Юноша с удивлением обнаружил, что прекрасно помнит этот вечер; он стал размышлять над тем, как выразить свои ощущения — и через пару дней сочинил прекрасные стихи о заходе солнца, в которых так и чувствовался гаснущий последний луч.

После этого У Цяо предложил ученику сначала понаблюдать за травинкой, убегающей по ручью, а на следующий день — во что-нибудь воплотить свои наблюдения. Юноша придумал красивую музыку, которая живо напоминала об этом переживании. Точно так же, через несколько дней после наблюдения, он смог нарисовать картину с летящей ласточкой, которая получилась будто живая.

Больше У Цяо не давал юноше никаких заданий. Тот жил с У Цяо еще две недели, не задавая вопросов. Однажды вечером он долго смотрел на У Цяо, а наутро ушел, не прощаясь.

У Цяо и сановники

Однажды через Гуань-ляо проезжали двое сановников приближенных к императору. Они остановились в самом богатом доме и требовали постоянного внимания, лучших вин и изысканнейших кушаний к столу. Никто в Гуань-ляо не мог угодить этим господам. Случилось так, что сановники прослышали о мудрости У Цяо и захотели посмотреть на него. Они приказали привести его в Гуань-ляо.

Два воина из свиты сановников направились в лес Шу-цзянь, а проводником у них был старый Су Чжи-чен, местный каллиграф. Однако в то время У Цяо не было в хижине, и застали там только молодого Ван Фу, который в то время жил с У Цяо и разговаривал с ним. Воины подошли к Ван Фу и приказали ему собираться и идти с ними. Тот, не говоря ни слова, пошел за ними в Гуань-ляо и предстал перед сановниками. Те задали ему

несколько вопросов, на которые он с легкостью ответил, поскольку собирался вскорости держать экзамен на государственную должность и был достаточно начитан. Ему предложили написать несколько иероглифов, и он продемонстрировал отменное искусство и в каллиграфии. Точно так же, выдержал Ван Фу и другие испытания. В конце концов сановникам надоело испытывать его, но они так и не увидели в стоящем перед ними человеке ничего такого, что оправдывало бы слух о его исключительной мудрости. Тогда один из сановников прямо спросил Ван Фу: "Ты многое умеешь, но этим отличаются многие. В чем же состоит хваленая мудрость У Цяо?" На это Ван Фу ответил, что не его дело судить о мудрости, а желающим ближе узнать У Цяо следовало бы посетить его в его хижине в лесу Шу-цзянь. Сановники рассердились и велели гнать от них дерзкого юнца.

Когда Ван Фу вернулся к У Цяо и рассказал обо всем, У Цяо закрыл глаза и некоторое время сидел неподвижно, будто задремал. Потом он поблагодарил Ван Фу и сказал, что больше не может ничему его научить, поскольку Ван Фу уже достиг совершенства деяний. Как ни печально было Ван Фу расставаться с У Цяо, он покинул лес Шу-цзянь на следующее утро. В тот же год он успешно сдал экзамен и был назначен на высокую должность, и впоследствии достиг знатности и благополучия.

Искусство каллиграфии

Один из учеников У Цяо по имени Гу Да однажды спросил: "Учитель, я уже месяц живу вблизи Вас, но ни разу не видел, чтобы Вы что-то записывали. Но достойные мысли заслуживают того, чтобы записать их красивыми иероглифами рядом с изящными рисунками. Многие люди узнают о Вас из книг, и многие таким способом придут к осознанию истины и красоты. Я не могу допустить, чтобы такой ученый человек не знал таинств каллиграфии — или чтобы такой тонкий знаток природы не мог живо изобразить ее на куске шелка!"

У Цяо молча выслушал Гу Да, но ничего не ответил. Вместо этого он достал из небольшой плетеной корзины, стоявшей в самом темном углу хижины, небольшой лоскуток шелка, тонкую кисть и маленький пузырек из выдолбленного ореха, наполненный голубоватой тушью. Он расстелил шелк на полу, обмакнул кисть в пузырек и несколькими быстрыми движениями написал иероглиф "ляо". Тушь еще не успела просохнуть — а изумленный Гу Да уже понял, что более прекрасного иероглифа он не видел ни в одной из книг. На это чудо каллиграфии можно было смотреть часами не отрываясь — и находить все новые оттенки совершенства.

Пораженный и погруженный в созерцание Гу Да долго стоял перед творением У Цяо, и не заметил, как тот вышел из хижины и неторопливо пошел к ручью. Около ручья рос пышный ореховый куст. У Цяо постоял около него, потом как будто погладил ветки, поглядел на просвечивающее сквозь них солнце — потом аккуратно сорвал один лист, повернулся и пошел назад к хижине. Молча положил он ореховый лист рядом с написанным им иероглифом и отошел в сторону. В этот момент солнце заглянуло в дверь хижины и луч его одновременно упал на зеленый листок и шелковую гладь. Неожиданно для себя Гу Да понял, что взгляд его теперь прикован не к написанному У Цяо иероглифу, а к обычному листу орешника, и что его прихотливый контур, переплетение его прожилок и переливы света на свежей зелени заставили забыть о прекрасной каллиграфии и принесли иное, теплое и спокойное чувство.

Через несколько минут Гу Да полностью пришел в себя. Он подошел к своей циновке, собрал свои письменные принадлежности и спрятал их на самом дне котомки с его вещами. После этого Гу Да вышел из хижины и сел на берегу ручья, и не двигался до самой ночи. У Цяо не тревожил его, предаваясь своим обычным занятиям.

У Цяо и красноречивый

Один раз сидел У Цяо на берегу ручья. К нему подошел какой-то мужчина и стал громко восторгаться прекрасным лесом,

быстрым ручьем, пением птиц, голубизной неба и причудливостью облаков. Он приводил слова древних мудрецов, вспоминал отрывки стихов и песен — и производил впечатление весьма ученого человека. У Цяо продолжал сидеть у ручья и смотреть перед собой, как будто не замечал словоохотливого гостя. Тот несколько раз пытался вызвать У Цяо на разговор, задавая риторические вопросы. Потом он произнес целую речь об уважении к гостю, о вежливости и правилах поддержания беседы. Потом рассуждал о жизни в обществе и отшельничестве, приводя много веских доводов в пользу необходимости постоянно общаться с людьми. У Цяо не отвечал, и это навевало гостю мысли о слепоте и глухоте, которые он не преминул облечь в столь же блистательную форму, как и все предыдущие.

Когда У Цяо встал, чтобы приготовить себе риса на ужин, гость подумал, что сумел пробудить в нем отклик на свое красноречие. Он опять принялся восхвалять природу и дары ее, а когда У Цяо жестом пригласил его разделить с ним трапезу, без церемоний подсел к столу и основательно подкрепился. Потом У Цяо до заката солнца сидел на пороге хижины, никак не отвечая на продолжающиеся разговоры. Когда настала ночь, гость с удовольствием растянулся на постеленной У Цяо циновке и захрапел.

Утром гость проснулся и нигде не нашел У Цяо. Сначала он попытался позвать хозяина, потом стал его искать. При этом он сетовал на неподобающее поведение хозяина, и вспоминал песню из Ши Цзин, как пример учтивости и радушия в старые времена. Через некоторое время, видя безрезультатность своих усилий, гость умолк и присел у ручья, решив, по-видимому, дожждаться У Цяо. Но тот не появлялся, и красноречивый гость незаметно для себя начал разглядывать бегущую воду, травинки и кусочки коры, увлекаемые потоком. Он пытался угадать, какой узор образуется на воде в следующее мгновение — но каждый раз возникало нечто совершенно неожиданное, такое, до чего додуматься было нельзя. И однако угадывалась в этом разнообразии какая-то закономерность, внутренняя гармония, и казалось, что стоит еще немного присмотреться — и все станет понятно. Когда гость очнулся от созерцания, был уже вечер.

Рядом сидел У Цяо и тоже смотрел на ручей. Гость встал, молча поклонился У Цяо и ушел. Больше его в окрестностях Гуань-ляо не видели.

* * *

Вечер в Гуань-ляо.
Горы похитили солнце.
Дымка над озером.
В поле дорог не найти.

Зябко цветам —
прячут головки в бутоны,
низко к земле
слабые стебли клоня.

Не умирай!
Новое утро настанет —
капли росы
нежный найдут лепесток.

Цинь Хуа стала ученицей У Цяо

Цинь Хуа часто вспоминала о своей встрече с У Цяо. Она много слышала о нем от его учеников, как из Гуань-ляо, так и приезжих. Постепенно в ней созрела решимость поселиться с У Цяо, как это делали многие, и самой прикоснуться к его мудрости. Однако родители Цинь Хуа были против и не разрешали ей поселиться возле У Цяо, ибо у него могли быть другие ученики. Не подобает девушке жить среди мужчин, — говорила мать Цинь Хуа. — Таковую девицу будут считать распутной, и потом трудно будет найти хорошего мужа. Отец же Цинь Хуа сказал, что науки женщине незачем, ее дело смотреть за домом и растить детей. Если дочь хочет учиться — пусть играет на музыкальных инструментах, поет или составляет

букеты; это обычное занятие образованных женщин, и такая может приглынуться даже чиновнику из города.

Однако Цинь Хуа не отказывалась от своей мечты, и однажды ушла из дома незаметно для родителей и направилась в лес Шу-цзянь. С собой был у нее только мешочек риса, да большое покрывало — потому что в Гуань-ляо рассказывали, что ученикам У Цяо приходится спать под открытым небом, а уже наступала осень и ночи были прохладными.

У Цяо не выразил никаких признаков удивления, увидев Цинь Хуа, и узнав, что девушка хочет пожить рядом с ним. В это время у него не было других учеников, и одна из циновок в хижине была свободна. Однако Цинь Хуа стеснялась спать в одной хижине с чужим мужчиной и расположилась в лесу неподалеку. Днем приходила она к У Цяо и училась у него, а вечером возвращалась к себе, закутывалась в покрывало и так спала до утра.

Родители Цинь Хуа очень рассердились, узнав о бегстве дочери. Они хотели было забрать ее домой силой — но не решились, опасаясь, что У Цяо применит против них какое-нибудь колдовство. Тогда отец Цинь Хуа поехал к мельнику (который тоже слыл сведущим по части колдовства) и попросил его поговорить с У Цяо и заставить его вернуть им дочь. Мельник рассмеялся в ответ и сказал, что он хорошо знает У Цяо, и что Цинь Хуа рядом с ним в большей безопасности, чем у себя дома, и что просить У Цяо бесполезно, ибо тот никогда не заставляет людей делать что-либо против их воли. Если девушка решила учиться — У Цяо не будет ей мешать. Однако, чтобы успокоить родителей, он все же ходил к хижине У Цяо и виделся с Цинь Хуа. Мельник рассказал отцу девушки, что та живет отдельно от У Цяо, и тот решил ничего не предпринимать, и даже время от времени посылал Цинь Хуа немного риса и муки.

Прошлое У Цяо

О жизни У Цяо ходило много слухов. Никто не знал, откуда он пришел в Гуань-ляо, и чем раньше занимался. Говорили даже, что был он высоким сановником у самого императора, но

разочаровался в службе и удалился от мира, как некоторые новые поэты. Однако У Цяо не писал стихов, и вообще ничего не писал. Он жил в своей хижине в лесу Шу-цзянь, но часто появлялся в окрестных селениях и работал наравне с другими, и так получал еду и одежду. Люди привыкли к его немногословию и ни о чем не спрашивали.

Однажды холодной осенью У Цяо ловил рыбу на соседнем озере вместе с местными рыбаками. Было ветрено, и У Цяо завязал головную повязку так, чтобы она хорошо держалась при работе. Рыбаки заметили, что повязка завязана особым способом, принятым у морских пиратов. Сразу пошли разговоры, что в прошлом У Цяо мог промышлять разбоем, а ныне прячется от властей и бывших поделщиков. Однако после того как ветер унес повязки у нескольких рыбаков и те стали замерзать, остальные перевязали свои повязки на манер У Цяо, и работать стало сподручнее.

В другой раз несколько крестьян перевозили на осла поклажу, и потребовалось перейти вброд небольшой ручей. Как принято в той местности, повод осла обматывали вокруг руки погонщика, который шел впереди, придерживая полы одежды руками, чтобы не замочить. Вместо этого У Цяо подвернул полы вверх и обвязал их поясом. Не иначе, как он пришел из северо-восточных провинций, стали говорить люди. Но когда вдруг один из ослов оступился, руки У Цяо были свободны, и он успел подхватить груз и не дал ему свалиться в воду.

Некоторые удивлялись его способу варить рис — не прямо в воде, а в специальной пакетике, на тогдашний столичный манер. Предполагали, что он долгое время жил в столице, но впал в немилость у императора и потому решил остаток жизни провести в уединении. Как-то раз, в неурожайный год, одна семья перебиралась к родственникам в дальнюю деревню и вынуждена была заночевать в лесу, чтобы с рассветом продолжить путь. Они остановились рядом с хижинкой У Цяо. Все были голодны, но все, что у них нашлось, — это небольшая горсть риса. У Цяо жестом предложил людям отдыхать, а сам взялся готовить еду. Когда вода закипела, мальчик, старавшийся пристроиться поближе к огню, задел одну из рогатин, и чан опрокинулся. По счастью

никого не ошпарило кипятком, но вода вылилась в костер и загасила его. Путешественники уже собрались было спать на пустой желудок — но рис в пакетике для варки остался цел, и можно было поужинать.

У Цяо и разбойники

Однажды в окрестностях Гуань-ляо объявилась шайка разбойников, которых все очень боялись. Разбойники грабили торговые караваны и убили нескольких купцов. Некоторые ученики У Цяо предпочли перебраться на время в свои дома, чтобы не оставаться ночью в лесу. Сам У Цяо не выказывал никаких признаков беспокойства и не изменил своей привычке ходить в самые глухие уголки леса в одиночку. Людей это удивляло, и поговаривали даже, что У Цяо как-то связан с грабителями.

Осенью разбойники вдруг исчезли из Гуань-ляо, и несколько месяцев о них ничего не слыхали. Один из учеников У Цяо рассказывал, что рядом с его хижинкой видел много сухих листьев, а мешки, долгое время валявшиеся в хижине куда-то исчезли. Позже в лесу наткнулись на большую кучу оружия, явно принадлежавшего разбойникам; куча была накрыта мешками из хижины У Цяо и засыпана сухими листьями, и вокруг были разбросаны сухие листья.

Потом, через несколько лет, после ухода У Цяо, нашли в его котомке сухой лист неизвестного дерева, а рядом — его точную копию из чистого золота.

Магия У Цяо

Говорили, что У Цяо умеет разговаривать с животными. По крайней мере, кошки и собаки слушались его во всем, и прочая домашняя живность в присутствии У Цяо быстро успокаивалась и вела себя вполне рассудительно. Никто, однако, не замечал, чтобы У Цяо специально что-либо делал для этого. Известно, впрочем, что есть такие особые снадобья, которое животные

чуют хорошо, а человек не почувствует. Но У Цяо редко готовил какие-либо снадобья, и лишь для того, чтобы людей лечить.

Как-то раз в лесу видели тигра, сидевшего напротив У Цяо и внимательно смотревшего ему в глаза. Рядом с собой У Цяо зачем-то положил две большие ветки местного дуба с обильной густой листвой. Чуть погода тигр спокойно повернулся и не торопясь ушел. Как будто он приходил только для того, чтобы поговорить с У Цяо.

Точно так же У Цяо разговаривал с другими зверями на их безмолвном языке. Ученики стали просить, чтобы он их научил этому искусству. Тогда У Цяо прутиком начертил на влажной глине около ручья какой-то знак и отошел в сторону. Ученики стали разглядывать рисунок и спорить, что он это такое. Один предположил, что это какой-то редкий иероглиф; другой возразил, что больше похоже на магические знаки, которые рисуют колдуны; третьему рисунок напомнил карту какой-то местности; четвертый принял его за изображение диковинного животного...

Вдруг ученики разом смолкли и разошлись. Больше они не спрашивали У Цяо о его магии.

О силе и ловкости

Время от времени ученики У Цяо занимались физическими упражнениями. Считалось, что это полезно для здоровья, закаляет волю и готовит к трудностям жизни. У Цяо не препятствовал этим занятиям, но никто не видел, чтобы он сам когда-либо в чем-то упражнялся. Он предпочитал бродить по лесу, либо делать что-то по хозяйству. Ходок он был отменный, и никто из учеников не мог вынести столь продолжительных переходов в его темпе. А когда У Цяо помогал окрестным крестьянам в работе, его силе и выносливости удивлялись многие. На вид он вовсе не казался человеком хорошо тренированным, и никаких особых физических данных у него не было. Однако не было в нем и внешней расслабленности, и все движения он выполнял спокойно и точно, прикладывая ровно столько сил, сколько было нужно.

Однажды в деревне Хуэ-нань расчищали старый заброшенный канал. Как обычно, собрались все, кто жил по соседству. Мужчины лопатами выбрасывали слежавшийся ил из русла канала наверх, а там его укладывали в корзины и уносили к верхним полям, чтобы впоследствии добавлять в удобрения. Во время одного из перерывов здоровый парень по имени Чжу Ли-фэ спросил У Цяо, как ему удастся делать больше остальных и не казаться усталым. У Цяо встал, взял лопату и показал, как он выбрасывает ил на берег. Потом он сделал то же самое вдвое медленнее. Выглядело это совершенно так же, как и в обычном темпе. Потом У Цяо стал бросать ил еще вдвое медленнее — и снова все движения выглядели точно такими же. Когда местные парни попытались работать так же медленно, ил просто стекал у них с лопат, а у У Цяо он сидел как приклеенный. Однако постепенно они поймали характер движения и потом стали выполнять его быстрее.

Науки и семья

Молодой Ху Цзе-мин жил возле У Цяо два месяца и был одним из наиболее старательных учеников. Однако в Гуань-ляо была у него любимая девушка по имени Мэ Динь, на которой он хотел жениться по достижении совершеннолетия, после поступления на службу. Ху Цзе-мин очень скучал по ней и даже иногда убегал в Гуань-ляо, чтобы повидаться с ней, а потом снова приходил к У Цяо. И было у него на душе тяжело, потому что ему казалось, будто подобное чувство к женщине несовместимо с тягой к мудрости — но отказаться он не мог ни от того, ни от другого. Юноша потерял аппетит, побледнел и даже иногда переставал замечать У Цяо, когда тот был в кругу других учеников.

Подошла пора уборки урожая. В такое время рабочие руки везде нужны. У Цяо обычно ходил по окрестным деревням и помогал крестьянам. За это ему давали что-нибудь от нового урожая. Некоторые ученики У Цяо расходились по домам и трудились в домашнем хозяйстве; другие следовали за У Цяо и работали вместе с ним. Ху Цзе-мин принялся было работать на

заготовке тростника в деревне по соседству, куда направился У Цяо. Но тоска по Мэ Динь не давала ему покоя, и работа продвигалась мало. Тогда У Цяо оставил на этой работе пару других учеников, а Ху Цзе-мина повел в другое место собирать урожай риса. У него и там руки опускались, но он старался работать на совесть, только ни с кем не разговаривал и ни на кого не смотрел. Как-то раз он все же поднял глаза от воды — и увидел Мэ Динь, которая, оказывается собирала рис рядом с ним. Ху Цзе-мин очень обрадовался и начал работать еще усерднее, чтобы она видела его умение и гордилась им. В тот день он собрал больше всех риса, и У Цяо получил от крестьян свою долю и мог бы спокойно жить с учениками до следующего урожая.

Объяснения У Цяо

Однажды У Дэн, прожив рядом с У Цяо несколько дней, спросил У Цяо, почему тот редко объясняет что-либо простыми и понятными словами — а взамен только делает что-нибудь маловразумительное, и заставляет учеников в этом участвовать. У Цяо выслушал его — потом зашел в хижину и вернулся с листком бумаги и кистью. Написав иероглиф, он спросил У Дэна, что он означает. Однако У Дэн не знал такого иероглифа и не смог ответить. Тогда У Цяо написал фразу, в которой смысл иероглифа стал вполне очевиден. У Дэн сказал, что теперь он знает этот знак и может его использовать. Тогда У Цяо написал еще одну фразу, и в ней иероглиф имел совсем другой смысл. Увидев растерянность У Дэна, У Цяо предложил ему прочесть старинную надпись на камне около хижины. Но уже начинало смеркаться, и У Дэн не мог разобрать письма. Взяв уголек из очага, У Цяо поджег исписанный им листок — и в его пламени стало видно, что на камне ничего нет.

Искусство боя

Многие в то время были наслышаны о людях, которые исповедовали занесенную из-за Снежных гор религию и селились

в труднодоступных местах, чтобы враждебно настроенные местные жители им не мешали. Эти люди умели защищать свои селения, однако они принимали всех, кто желал единения и приобщения к мудрости.

Ходили слухи, что У Цяо какое-то время жил в горном монастыре и учился у тамошних монахов. Но точно никто ничего не знал. Бывало, что его ученики делились друг с другом заимствованными у кого-то боевыми приемами; У Цяо относился к этому явно неодобрительно, хотя, как обычно, ничего не говорил, а просто уходил куда-нибудь.

Однажды рядом с У Цяо жил некоторый Ши Фэн. Как-то ночью все проснулись от шума из-за ручья, где поселилась Цинь Хуа. Оказывается, Ши Фэн пришел ночью к Цинь Хуа и пытался овладеть ею. "А что тут такого?" — говорил он. — "Эта женщина живет с нами, почему бы ей не удовлетворить естественные потребности мужчин? Для того и созданы женщины. Раз уж вы здесь — давайте все вместе с ней поразвлечемся".

У Цяо сделал какое-то неуловимое движение — и Ши Фэн, скорчившись от боли, скатился по склону в ручей. Долгое время он не мог подняться на ноги, а потом ушел, не дожидаясь утра.

После этого случая У Цяо несколько раз покидал учеников и оставался с Цинь Хуа наедине; она иногда сама уединялась и занималась какими-то упражнениями. Все понимали, что теперь Цинь Хуа сможет постоять за себя, и в Гуань-ляо никто бы не посмел к ней приставать.

О величии императора

Некоторое время жил в Гуань-ляо столичный чиновник, приехавший установить новую систему взимания налогов и наладить надежное сообщение с центральной властью. Этот человек очень гордился своей приближенностью к императорскому двору. При каждом удобном и неудобном случае заводил он речь о могуществе и благородстве императора, его справедливости, нерушимости его власти, о его сильной армии, многочисленных женах и наложницах, о пышности двора...

Для установления правильных податей, чиновнику потребовалось промерить лес. Местные жители ему подробно рассказали о границах лесных угодий, но он решил самостоятельно проверить их рассказы, посетив несколько участков. В одной из таких поездок он заблудился. После долгих блужданий ему посчастливилось выйти к хижине У Цяо. Смеркалось. У Цяо готовил ужин на костре. Чиновник подошел и потребовал, чтобы ему дали согреться, отдохнуть и чего-нибудь поесть. Потому что он здесь представляет великого императора. Не говоря ни слова, У Цяо освободил для него лучшее место у костра, потом дал поесть. На ночь он устроил чиновника в своей хижине, а сам лег с учениками под навесом из веток.

Утром, когда чиновник выяснил путь до Гуань-ляо и собрался уходить, У Цяо принес ему объемистый сверток и просил передать это императору. Чиновник торопился вернуться в город и не стал спрашивать, что там, внутри. Он думал, что У Цяо хочет попросить у императора какой-нибудь милости за то, что приютил важного человека. Потом сверток бросили в багаж чиновника и с другими вещами доставили в столицу.

Пришло время отчитываться о поездке, тут обнаружился и сверток У Цяо. Когда его развернули, внутри нашли огниво, старую циновку и пакетик риса. Рукой одного из учеников У Цяо было написано, что это дар императору на тот случай, если ему тоже потребуются согреться, отдохнуть и чего-нибудь поесть.

О мудрости древних

Многие мудрецы прославились прекрасным знанием старинных книг. Вызывает уважение человек, способный к месту прочесть прекрасные стихи, напомнить об освященных веками традициях, убедительно истолковать мифологические предания и сравнить учения знаменитых философов.

Однажды через Гуань-ляо проезжал один столичный философ, благосклонно принятый при дворе. Услышав о мудрости У Цяо, он захотел обязательно посетить ученого собрата, но, посетив его хижину, был разочарован, не найдя в ней ни одной старинной книги. На прощание он решил

облагодетельствовать У Цяо, подарив ему свиток с копией стихотворения древнего поэта, воспевающего тягу людей к знаниям. У Цяо поблагодарил за подарок и бросил свиток в очаг, чтобы поддержать слабеющее пламя. Философ ужаснулся: как можно так поступать с великой поэзией? Ничего, — ответил У Цяо. — В этой копии все равно один иероглиф написан иначе, нежели в подлиннике, и — при сохранении звучания — меняется смысл...

Когда философ вернулся в столицу, он обнаружил, что во многих копиях действительно произошла подмена, и лишь самые древние рукописи содержали правильный знак.

Следующим летом философ специально поехал в Гуаньяо, чтобы извиниться перед У Цяо и спросить: как достиг он столь глубокого познания? Около хижины он застал У Цяо за плетением корзин из тростника. У Цяо предложил ему попробовать себя в этом занятии, но сплетенная философом корзина почему-то все время разваливалась, в нее нельзя было ничего положить. У Цяо посмотрел на нее и заменил один прутик, ловко связав его с остальными. Корзина стала вполне пригодной для использования. Философ больше не задавал вопросов и уехал обратно в столицу.

Кому принадлежит музыка

Всякие не очень нужные вещи У Цяо хранил в мешке в углу хижины. Изредка доставал он из этого мешка цинь, уходил на берег ручья и долго наигрывал странные мелодии, будто случайно перебирая струны. Иногда ученики запоминали какие-то мелодии, играли их сами. Люди спрашивали: чья это музыка? Но У Цяо никогда не говорил, где научился играть.

Однажды Мэ Го, известный путешественник и знаток музыки, рассказывал, что слышал похожую музыку в чужих странах далеко на Западе, на самом краю Вселенной. Возможно, говорил он, что У Цяо приехал именно оттуда и принес с собой тамошние обычаи. Он говорил очень убедительно, и даже сыграл несколько мелодий, которые действительно были похожи на музыку У Цяо.

В это время пошел дождь. Мэ Го и его слушатели спрятались под навесом. Дождь выстукивал по бамбуковой кровле звонкий ритм, который как бы вплетался в журчание потоков воды в стоках. Это напоминало одну из самых известных мелодий У Цяо. Когда высветило солнце, как-то по-особому защибетали птицы — и это было в точности как его другая мелодия. Порыв ветра загудел связках пустых бамбуковых стволов — и снова как будто зазвучала музыка.

Мэ Го с тех пор не появлялся в Гуань-ляо.

О звездном небе

Цинь Хуа любила смотреть на звезды. Она знала названия и знаки всех созвездий, имена ярчайших звезд и планет. Ученики У Цяо с восторгом слушали ее рассказы о чудесных событиях, случающихся далеко там, среди звезд. Сам же У Цяо никогда ничего по этому поводу не говорил и никак не выражал своего отношения.

Однажды осенью он с несколькими учениками возвращался с полевых работ. Вечером они подошли к озеру и стали переплывать его на лодке. Тут налетел шторм, закружил их и выбросил на незнакомом берегу. Ученики У Цяо стали говорить, что надо бы найти кого-нибудь из местных и расспросить о дороге в Гуань-ляо. Однако У Цяо вышел на открытое место и некоторое время смотрел то на небо, то на землю — будто сравнивая их. Потом он уверенно двинулся в путь, и ученики последовали за ним. Через несколько часов пути в ночной темноте они вышли на открытую местность в окрестностях Хань Цзи — а оттуда до Гуань-ляо рукой подать.

О начале и конце

Однажды ученики У Цяо, Мэ Фу и Ши Ю-мэнь, нашли длинную палку и затеяли спор, где у нее начало, а где конец. Мэ Фу полагал, что различие число условно, и мы вправе принять любое решение. Ши Ю-мэнь цитировал древних, утверждая, что у всякой вещи есть свой порядок, и следует различать начало и

конец в соответствии с естественным развитием растения. Подошел У Цяо и забрал у них палку, потому что пришло время варить рис, и нужны были дрова.

* * *

Две хризантемы
на камне
у быстрой воды.
Брызги на стеблях
сверкают
под луной.
Или так в кремне
порой блеснут
прожилки слюды?
Или на время
небесная Ну
стала земной?

Путник осенний
рано покинет
Гуань-ляо.
Ему на смену —
изморозь, иней
и снег.
В белых одеждах
ходит недолго
земля.
Про хризантемы
не вспомнит никто
по весне.

Замужество Цинь Хуа

Однажды в Гуань-ляо гостил некий Чжэнь Вэ-ю из столицы. Он был молод, прекрасно образован, красноречив.

Разумеется, он наведался с визитом к У Цяо — но учиться у него не захотел, поскольку у него уже был наставник, готовящий его к вступительным испытаниям при дворе. Цинь Хуа пленили изысканные манеры Чжэнь Вэ-ю, его красота и ухоженность. И ему девушка понравилась, и он стал время от времени навещать ее по ночам, пользуясь тем, что она жила отдельно от других. Цинь Хуа старалась делать все, что положено женщине, и даже изучала труды древних мудрецов об искусстве любви. Но Чжэнь Вэ-ю не стремился связывать себя с провинциалкой, и видел в ней лишь временное развлечение, о чем, впрочем, честно ее предупреждал. По-своему он был человек порядочный.

Однако пошли слухи, и родители Цинь Хуа забеспокоились: кто возьмет замуж девушку с такой репутацией?

Вместе с Чжэнь Вэ-ю в Гуань-ляо гостил еще один юноша, из бедняков — но все говорили, что он очень талантлив и несомненно сделает блестящую карьеру. Звали его Дэн И. Однажды, когда Цинь Хуа прибежала в Гуань-ляо, чтобы повидать Чжэнь Вэ-ю, он увидел ее — и влюбился без памяти. Он предложил родителям Цинь Хуа выдать ее за него замуж.

Цинь Хуа не знала, что делать. Надежды остаться с Чжэнь Вэ-ю не было, а Дэн И она жалела, узнав о силе его любви. В растерянности она обратилась к У Цяо за советом. Но У Цяо никогда не давал советов. Он предложил Цинь Хуа попросить у родителей несколько дней отсрочки, а за это время обойти в окрестностях все места, которые ей нравились больше всего.

Цинь Хуа ходила по узким лесным тропинкам, неожиданно обрывающимся у наезженных дорог; она наблюдала за распускающимися и увядающими цветами, за игрой последних лучей заходящего солнца в воде озера и в листве деревьев... Она не удивилась, встретив У Цяо около водопада. Тот наклонился, сорвал ягоду земляники и протянул ее Цинь Хуа. Та машинально съела ягоду, потому что устала и была голодна. Потом понюхала свои пальцы — они пахли земляникой. А рядом с У Цяо остался пустой черешок.

На следующий день Цинь Хуа вернулась в Гуань-ляо и объявила о своей согласии на брак.

Перепись У Цяо

Как-то раз император приказал провести перепись населения по всем провинциям, чтобы точно знать, какого размера армию можно собрать при необходимости, и сколько податей должно поступать в императорскую казну. Переписчики обходили все жилища и записывали, сколько человек разного возраста там живет и каковы их источники существования.

Один такой чиновник приехал и в Гуань-ляо, и после нескольких дней работы решил навеститься и к У Цяо. Но тот на вопросы отвечать не стал. Вместо этого он вынес из хижины кисть с баночкой туши, очень похожей на ту, что носил с собой переписчик, подошел к кусту орешника, росшему неподалеку, и принялся писать на его листьях числа, не обращая ни на кого внимания.

— Что ты делаешь, безумец! — воскликнул чиновник. — Зачем ты пересчитываешь листья? Они же все равно по осени облетят...

Тут он осекся — некоторое время о чем-то думал — потом собрал свои записки и молча удалился.

О праздниках

В Гуань-ляо и соседних деревнях иногда устраивали большие праздники, и приглашали У Цяо повеселиться вместе со всеми. У Цяо никогда не отказывался, если его просили прийти по делу, — но в праздничных гуляниях участия никогда не принимал, хотя было много вкусной еды и разных напитков, люди пели и танцевали.

Ученики У Цяо обычно уходили на праздник в Гуань-ляо, а иногда на озеро, где по случаю праздника бывали красивые фейерверки. Возвращались они на следующее утро усталые, и требовалось время, чтобы вернуть остроту восприятия.

Ходили слухи, что У Цяо боится, как бы его не развезло от выпивки, так что он выглядел бы неподобающе. Но те, кто лучше его знал, понимали, что У Цяо никогда не будет думать о таких пустяках, как поддержание своего авторитета; его мысль всегда была направлена на практические дела.

Как-то раз У Цяо пришлось быть в Гуань-ляо во время праздника. Пожилая женщина почувствовала себя плохо, и У Цяо помог ей восстановиться, одному ему ведомым способом. Он уже собирался было возвращаться к себе в лес — но родственники женщины не хотели его отпускать, пока он не выпьет с ними за ее здоровье. Они были пьяны и не желали слышать никаких возражений. Тогда У Цяо взял большой кувшин с рисовой водкой и одним махом выпил половину содержимого. От такой дозы любой сразу бы упал без чувств — но У Цяо спокойно поставил кувшин на место, пожелал всем счастливо повеселиться и своей точной и уверенной походкой направился к лесу, как ни в чем ни бывало. На следующее утро ученики застали его за повседневными занятиями.

Дом У Цяо

Однажды жители Гуань-ляо решили, что хватит такому известному мудрецу как У Цяо жить в продуваемой всеми ветрами хижине, и решили сообща построить ему дом. Только, вот, место для дома подобрать оказалось непросто. У Цяо не дал бы нарушить что-то в его лесном хозяйстве, с которым он как бы представлял одно целое. Тогда люди решили воспользоваться одним из традиционных путешествий У Цяо по окрестным деревьям и поставить дом прямо на месте старой хижины.

Когда У Цяо вернулся, он не выразил удивления и не стал никого благодарить. Он собрал свои пожитки и отнес их в бывшее укрытие Цинь Хуа, опустевшее после ее замужества. Там он и жил большую часть времени, а в доме селились его ученики и гости. Только иногда У Цяо приходил к месту, где когда-то была его хижина, и сидел там, где был ее порог.

Однажды утром У Цяо принес к дому разные инструменты, часть которых была неизвестна в Гуань-ляо. С их помощью он стал аккуратно разбирать дом; на каждой детали он писал ее номер и дополнительные пометки, и складывал по порядку. Ученики в конце концов принялись ему помогать и обнаружили, что с его удивительными инструментами задача оказалась вовсе не трудной.

Когда дом был полностью разобран, У Цяо с учениками отнесли его части на окраину лесу ближе к озеру и собрали заново, пользуясь пометками У Цяо. Дом хорошо смотрелся на новом месте, как будто для него и был задуман. Поблизости проходила наезженная дорога, и путники часто останавливались в доме У Цяо, когда их заставляла в дороге ночь или непогода.

А У Цяо построил себе хижину на старом месте и жил там, как прежде.

У Цяо и война

Когда императору понадобилось воевать с северным соседом, его люди пошли по всем провинциям собирать войско. Каждая местность должна была выставить определенное дворцовыми учетчиками количество воинов и снарядить их подобающим образом. В Гуань-ляо также приехал императорский посланец и стал отправлять в столицу новобранцев, небольшими партиями, с вооруженным конвоем. Поскольку о причастности У Цяо к боевым искусствам ходили легенды, столичный чиновник решил, что тот станет хорошим приобретением для армии и велел передать ему требование немедленно явиться в Гуань-ляо. Однако прошел день, потом еще один — У Цяо не появился. Тогда к нему направили хорошо вооруженного воина с приказом доставить У Цяо любой ценой. Но воин так и не вернулся в Гуань-ляо. На этот раз чиновник решил сам отправиться к хижине У Цяо с отрядом воинов. Однако в хижине У Цяо не оказалось, и никто из учеников не мог сказать, где он. Раздосадованный чиновник приказал отправить в столицу всех учеников У Цяо. Воины окружили их и погнали в Гуань-ляо. Когда конвой уже почти вышел из леса, они увидели У Цяо, сидящего на стволе поваленного ветром платана. У Цяо не спеша поднялся и направился к конвою. На всякий случай чиновник спрятался за спины воинов. Однако те неожиданно расступились перед У Цяо, который подошел вплотную к императорскому посланцу и долго смотрел в его испуганные глаза. После этого повернулся и ушел, а ученики последовали за ним. Никто даже не пытался им помешать.

Чиновник вернулся в Гуань-ляо и оттуда спешно уехал обратно в столицу. Рассказывали, что перед самым началом похода он повесился в своем доме. А война длилась несколько месяцев и закончилась ничем.

Два кувшина

Однажды У Цяо помог одному крестьянину, когда у того начал болеть скот. Две недели скотину поили каким-то отваром, а вместо еды давали толченые корешки. Болезнь прошла. В свою хижину У Цяо вернулся с двумя большими кувшинами цельного молока, которое могло долго стоять и не портиться.

Потом, когда молоко кончилось, кувшины использовались для разных целей — иногда в них хранили рис, иногда муку; иногда просто набирали воды из ручья. У Цяо особенно ценил дождевую воду, и старался при каждом случае набирать немного про запас. Но только чуть-чуть, ибо дождевая вода со временем теряет свою силу. Как-то раз У Цяо ходил с кувшинами на другую сторону озера, где рос необычный сорт бамбука; он набрал там бамбукового сока, из которого местные крестьяне варили крепкую водку, а У Цяо стал готовить на его основе чудодейственные снадобья. Он умел делать такой бальзам, одного глотка которого было достаточно, чтобы излечить желтую лихорадку, а если смазывать им язвы — они полностью зарастали за несколько дней, и даже рубцов не оставалось.

У Цяо никогда не использовал кувшины по отдельности, только вместе, для одного и того же. Даже если что-то вполне поместилось бы в один кувшин, У Цяо делил поровну между обоими. Когда Цинь Хуа ушла, в ее лесном укрытии остались бусы из мелкого речного жемчуга. У Цяо разрезал каждую нитку напополам, аккуратно завязал узелки, чтобы бусы не рассыпались и положил половинки в разные кувшины. Так же поровну он разделил и другие оставшиеся от нее мелочи.

Так он и хранил ее вещи до тех пор, пока один из кувшинов не разбился. Тогда У Цяо разбил и второй кувшин, а осколки вместе с содержимым закопал на разных берегах ручья, друг против друга.

Смерть Цинь Хуа

Цинь Хуа уехала из Гуань-ляо с Дэн И, и долгое время никто о ней ничего не слышал. Однако через несколько лет она вдруг объявилась в хижине У Цяо и несколько дней жила рядом, на своем прежнем месте. Она ничего не просила, ни о чем не рассказывала, только сидела на камне у ручья и смотрела куда-то вдаль. Взгляд у нее был очень странный, и сама она выглядела болезненно и казалась очень усталой.

Незадолго до этого У Цяо нашел в лесу неподалеку подраненную белку, принес ее в хижину, обработал рану, кормил специальными корешками, чтобы она окрепла. Белка уже начинала двигаться, к ней постепенно возвращались силы. Но однажды утром ее обнаружили без дыхания.

На следующий день Цинь Хуа ушла и не вернулась. Позже рыбаки рассказывали, будто видели ее на озере. И лишь спустя месяц случайно наткнулись на тело в воде, запутавшееся в стеблях озерной травы.

Потом приехал Дэн И, который, как выяснилось, успешно прошел положенные испытания и был назначен управляющим императорского архива. Он удивлялся случившемуся, поскольку жизнь у них с Цинь Хуа, вроде бы, складывалась нормально, и она ни в чем не нуждалась — хотя, конечно, доходы архивного чиновника не позволяли купаться в роскоши. Дэн И пришел к У Цяо и винил его за то, что тот не сообщил сразу о появлении Цинь Хуа. Тогда ее можно было бы еще спасти — в столице есть хорошие доктора.

У Цяо ничего не отвечал. Он стоял на берегу ручья и смотрел, как быстрая вода размывает глину у противоположного склона. Уже образовалась значительная впадина, а через некоторое время часть берега обрушилась в воду, которая сначала помутнела — а потом, когда землю унесло течением, снова стала прозрачной.

Об уважении

Жил как-то в Гуань-ляо толстосум Су Ши-вэнь. Он считал себя очень важным человеком и любил, когда ему низко

кланялись, говорили с ним тихо и почтительно, выполняли мелкие поручения. Если кто-то проходил мимо, не оказав должных знаков уважения, он мог причинить этому человеку большие неприятности. Все боялись его, и это ему нравилось.

Однажды У Цяо был по делам в Гуань-ляо и шел, как обычно, не отвлекаясь ни на что, ровной и энергичной походкой. Он никогда не здоровался по пути со знакомыми, не останавливался поговорить о пустяках, не нарушал чужую беседу и не отвлекал людей от повседневных дел. Тем более не обратил он никакого внимания на стоявшего посреди улицы Су Ши-вэня. Тот был ошеломлен такой неслыханной дерзостью и даже не нашелся сразу, что сказать.

Он решил прочувствовать У Цяо и вырубить часть леса Шу-цзянь. Однако никто из жителей Гуань-ляо не решился пойти на такое — как Су Ши-вэнь ни приказывал, как ни угрожал. Тогда Су Ши-вэнь нанял бродяг на стороне, и те заявили в лес с топорами и веревками. Сам Су Ши-вэнь шел во главе и указывал наемникам, какие деревья надо срубить. Но едва те попытались приступить к работе, из-за деревьев вышли местные крестьяне и плотным кольцом обступили Су Ши-вэня и его команду. Они ничего им не сделали, только смотрели в упор. Но те сильно перепугались, потому что выхода из кольца не было, и оно понемногу сжималось, по мере прихода все новых людей из Гуань-ляо и окрестных деревень. Бродяги побросали свои орудия и сбились в кучку. Страх охватил и Су Ши-вэня, он упал на колени и стал просить, чтобы его выпустили.

Вдруг кольцо распалось с одной стороны и появился У Цяо. Он посмотрел сверху вниз на Су Ши-вэня, потом повернулся к нему спиной и низко поклонился пришедшим на помощь людям.

Все молча разошлись.

У Цяо и странствующий философ

В Гуань-ляо время от времени забредали разные люди, которым пришлось на своем веку немало путешествовать. Для большинства местных жителей даже поездка в столицу была серьезным предприятием; большей же частью путешествия были

не дальше соседней деревни, и лишь по ярмарочным дням в ближайший крупный город. Поэтому слушать рассказы путешественников собирались всем миром, и это было одним из любимых развлечений.

Как-то раз добрался до Гуань-ляо некий Фу Цзы, который был известен по слухам как великий философ и знаменитый путешественник. Его очень не любили в окружении императора, поскольку он утверждал, что человек рожден быть свободным, что право каждого — избрать любой из путей, и всякий важен сам по себе, независимо от положения в обществе. Простым людям такие слова казались необычными и даже странными, потому что всем известно: есть крестьяне, есть ремесленники, купцы, чиновники или воины — если они не будут исполнять свою работу на своем месте, какой тогда порядок?

Фу Цзы рассказывал о странах за Снежными горами, о лесных племенах, в которых не было богатых и бедных, а в некоторых даже верховодили женщины. Он говорил о суровых краях, где большую часть года лежал снег, и о великом северном море, где лед не таял никогда, а солнце то пряталось за горизонт надолго, то сияло несколько месяцев подряд. Людям нравились такие сказки.

У Цяо не приходил слушать подобного рода странников. Он предпочитал заниматься обычными делами. Но, прослышав о необычных талантах У Цяо, Фу Цзы захотел его повидать. Его проводили к хижине У Цяо, но тот был занят подготовкой снастей для предстоящего рыболовного сезона, и Фу Цзы не стал его беспокоить, а просто сидел рядом и наблюдал. Потом У Цяо пошел в лес за кореньями — и Фу Цзы молча последовал за ним и продолжал наблюдать. Потом У Цяо сидел на берегу ручья и по обыкновению что-то разглядывал; Фу Цзы присоединился к нему. Вечером, когда Фу Цзы надо было уходить, он подошел к У Цяо, и молча предложил ему в подарок привезенный издалека клык неизвестного животного с искусно вырезанными фигурками людей и животных. У Цяо принял дар, зашел в хижину и тут же вышел с другим клыком такого же животного, только вырезаны на нем были сцены морской охоты. Он отдал его Фу Цзы в обмен

на его подарок — и Фу Цзы ушел, не прощаясь, а на следующий день уехал из Гуань-ляо.

Почести и память

Говорили, что У Цяо не случайно живет в лесу, что какие-то из его предков воплотились в деревья, и потому У Цяо выбрал такой вид служения. У него не было домашнего храма или какого-то иного места для поклонения, и в Храм смерти он ни разу не заходил, равно как и в другие храмы. Однако и в лесу у него не было предпочтительных мест, за исключением, может быть, маленького цветника, который Цинь Хуа когда-то разбила возле своего укрытия. Розовый куст посреди цветника время от времени выбрасывал несколько бутонов, а У Цяо всегда приходил, когда бутоны раскрывались, и как будто беседовал с розами.

Когда Лю Пинь-ци искал правильное место для захоронения умершего отца, он спрашивал у нескольких гадателей и монахов, и те указывали совершенно разные места. Лю Пинь-ци тогда решил также спросить У Цяо. Тот поднял глаза к небу и стал что-то там разглядывать. Лю Пинь-ци тоже посмотрел на небо. Там плыли два облака, и облако побольше понемногу поглотило маленькое облачко, но потом само растаяло под лучами летнего солнца. Лю Пинь-ци, вернувшись в Гуань-ляо, подверг тело отца полному сожжению, а прах развеял с вершины самого высокого холма в окрестностях Гуань-ляо. Многие за это его осуждали, но вскоре Лю Пинь-ци выгодно женился и получил хорошую должность.

О потерях и находках

Имущество У Цяо было невелико, однако содержалось оно в образцовом порядке, и У Цяо мог в любой момент не глядя взять нужную вещь. В окрестном лесу он тоже поддерживал порядок и каждое утро обходил заранее намеченные участки и поправлял то, что испортилось. Ученики У Цяо старались не отставать от учителя — но он редко доверял кому-то уход за

лесом, поскольку правильное состояние было известно ему одному. После жизни с У Цяо люди привыкали к аккуратности, им не доставляло больших усилий соблюдать порядок и чистоту.

Когда кто-то из учеников забывал, где оставил какую-то вещь, У Цяо достаточно было беглого взгляда вокруг, чтобы сказать, где это находится. Он сразу замечал, если кто-то прошел по лесу, и показывал другим едва различимые следы.

Жители Гуань-ляо и окрестных деревень знали об этом и старались не оставлять за собой лишнего, когда им что-то в лесу требовалось. Бывало, однако, что люди теряли что-то из вещей — в этом случае достаточно было обратиться к У Цяо, и тот быстро находил утраченное. Если же он сам наткнулся в лесу на потерянную вещь, он отдавал ее кому-то из учеников, чтобы отнести в Гуань-ляо.

Важный чиновник из столицы по имени Мэй Фу отдыхал как-то в своем загородном доме поблизости от Шу-цзянь. Гуляя по лесу, он обронил золотую коробочку с благовониями, инкрустированную крупными нефритами. Коробочка была очень дорогая, и Мэй Фу очень удивился, когда ему передали ее через пару дней. Он решил лично пойти к У Цяо и передать ему солидную сумму в знак благодарности. Ученики отвели его к небольшому холму за ручьем, где в этот день У Цяо занимался уборкой. У Цяо не обратил на гостей никакого внимания; он продолжал собирать сломанные веточки, поправлять помятую листву и рыхлить слежавшуюся почву. Мэй Фу посмотрел на его работу — и отправился домой.

Времена года

Звездочеты всегда пользовались влиянием при дворе, и каждый император поручал доверенным людям наблюдать за движением звезд и планет и назначать правильные дни для разных дел. Когда одни впадали в немилость, назначали других, и те устанавливали свой порядок исчисления лет, дней и часов. Разобраться во всех этих предписаниях было сложно, и приходилось больше верить на слово чиновникам. Тем не менее, грамотным людям полагалось знать про шесть календарей и

уметь соотносить их друг с другом; все должны были знать о порядке небесных стволов и земных ветвей, о последовательности сезонов и пятidineвок. Но правильное расположение длинных и коротких месяцев, чередование простых и високосных лет, введение вставных месяцев — все это определялось императорским указом, по совету придворных астрономов.

Ходили слухи, что где-то на берегах западного океана придумали простой календарь, доступный всем без исключения. Однако те, кто знал толк в астрономии, доказывали, что такой календарь был бы менее точен, и что в нем постепенно должна была накапливаться значительная погрешность в определении начала каждого солнечного или лунного цикла.

Ученики У Цяо иногда обсуждали между собой устройство календаря, и некоторые из них даже пытались изобрести единый календарь, который сочетал бы точность и простоту. Однако У Цяо оставался к этим вопросам равнодушен. Он умел предсказывать наступление различных природных явлений гораздо точнее, нежели иные астрономы. Даже окрестные крестьяне, бывало, спрашивали у него совета, когда лучше начинать те или иные работы, — и У Цяо ни разу не ошибся. Он знал множество природных примет, и ученики легко могли догадаться, на что он обращает внимание. И все же им казалось, что есть у него какой-то единый способ исчислять время.

Когда Чжэ Сюэ спросил его об этом напрямую, У Цяо предложил ему измерить расстояние от порога хижины до края леса, и Чжэ Сюэ нашел, что оно равняется двум с половиной тысячам шагов. Тогда У Цяо спросил, какой высоты порог хижины — и Чжэ Сюэ оценил его в три цуня. Трещина в пороге оказалась шириной в два зерна. Когда У Цяо спросил его, сколько зерен от порога до края леса, Чжэ Сюэ затруднился ответить.

О настроениях

Люди испытывают разные чувства. И по виду человека можно сказать, в каком он настроении. В то время начинали появляться секты, в которых учили подавлять любые

переживания и сохранять невозмутимость в любых условиях; высшей целью считалось освобождение от желаний и переход в совершенно невозмутимое состояние, которое обычному человеку казалось смертью. Глядя на У Цяо, иной раз можно было подумать, что он принадлежит одной из таких сект. Он всегда выглядел одинаково, не проявлял признаков волнения, озабоченности, расстройств или гнева. Он мало говорил, но если и скажет что-то — всегда ровным и спокойным голосом. Однако это было не похоже на отрешение от всего земного, на умерщвление плоти и отказ от желаний. Двигался У Цяо энергично, ел немного — но с аппетитом, не избегал встреч с людьми. Неподвижность ему была совершенно чужда; даже когда он по обыкновению внимательно наблюдал за чем-нибудь, это выглядело как целенаправленное действие, а не просто пассивное созерцание. И все же никто никогда не мог с уверенностью сказать, что У Цяо чувствует, и переживает ли он когда-либо вообще. К ученикам своим он относился совершенно одинаково, независимо от их способностей и успехов; только Цинь Хуа была, пожалуй, исключением — но и здесь все вполне объяснялось естественной необходимостью учитывать различие полов.

Однажды Дэн Сун-мэ вызвался на спор разозлить У Цяо так, чтобы тот как-то проявил негодование. Он вел себя как неловкий увалень, сокрушая все на своем пути, ссорился с другими учениками, портил пищу, да еще развешивал всюду листочки с дурацкими высказываниями, написанными безграмотно и криво. Но У Цяо сохранял спокойствие. Тогда Дэн Сун-мэ стал мешать ему наблюдать за разными предметами. Каждый раз, когда У Цяо устраивался для наблюдения, появлялся Дэн Сун-мэ и начинал дотошно расспрашивать, а куда это он смотрит, а что он там видит и так далее. Но У Цяо ничего не отвечал и продолжал смотреть куда-то, как будто никого рядом не было.

Как-то выдался дождливый день, гулять в такую погоду никто не решился бы. Но У Цяо покинул хижину и направился вниз по течению ручья. Дэн Сун-мэ, конечно же, поплелся за ним. Они пришли в то место, где по берегу росли дикие лилии.

Дождь прибывал стебли и листья к земле, бутоны утопали в размокшей глине. И все же несколько бутонов раскрылись, и их ослепительно белые лепестки как будто освещали серый пейзаж вокруг.

На этот раз Дэн Сун-мэ ничего не спрашивал, и с тех пор уже никого не беспокоил.

* * *

Небо над холмами
все светлей —
розовое пламя
по земле.

Но не век кострами
ей пылать.
Угли догорают,
и — зола.

Путник одинокий,
небосвод,
отдохнет немного —
и вперед.

Высоки и строги
пихт стволы —
по заре в дорогу,
до золы.

В розовое пламя
плыть звезде...
Пылью за плечами
ляжет день.

Исчезновение У Цяо

Зимой ученики У Цяо обычно расходились по своим домам, чтобы переждать холодное время. Изредка оставался кто-нибудь — но чаще лишь приходили время от времени навестить. Одна зима выдалась необычайно холодной, и однажды выпал снег и лежал целых две недели. Никто не отважился выбраться в лес в такую погоду. Едва холода кончились, один из наиболее преданных учеников У Цяо по имени Чжэн Су решил его проведать и узнать, не требуется ли помощь. Однако он вернулся в Гуань-ляо ни с чем, ибо У Цяо не оказалось в его хижине, и нигде поблизости. Никто не придавал этому большого значения. Так и раньше бывало, что У Цяо уходил куда-то, но потом возвращался. То на несколько дней, то на несколько месяцев. Но вот уже и лето заканчивалось, а об У Цяо не было никаких вестей. На всякий случай прочесали окрестности — но ничего необычного не нашли. Еще долго люди приходили к хижине У Цяо в надежде снова его увидеть. Потом хижина разрушилась, а еще через год уже нельзя было бы сказать, что в этом месте кто-то жил. Жители Гуань-ляо вернулись к своим повседневным занятиям и постепенно память об У Цяо совершенно выветрилась. Рассказы о нем ходили разные, но молодежь воспринимала их как притчу, или фантазию досужего сказителя. В ту пору стало модно писать книги, и многие из них копировались и расходились по всей стране. Особенно пользовались спросом сказки о волшебниках и любовные истории; стихи тоже были в большой цене. На некоторые древние песни придумали столько новых текстов, что никто и не вспомнил бы, как это пели раньше.

СОДЕРЖАНИЕ

Встреча У Цяо и Цинь Хуа	3
Учение У Цяо	4
У Цяо и сановники	5
Искусство каллиграфии	6
У Цяо и красноречивый	7
Вечер в Гуань-Ляо	9
Цинь Хуа стала ученицей У Цяо	9
Прошлое У Цяо	10
У Цяо и разбойники	12
Магия У Цяо	12
О силе и ловкости	13
Науки и семья	14
Объяснения У Цяо	15
Искусство боя	15
О величии императора	16
О мудрости древних	17
Кому принадлежит музыка	18
О звездном небе	19
О начале и конце	19
Вечер в Гуань-Ляо	20
Замужество Цинь Хуа	20
Перепись У Цяо	22
О праздниках	22
Дом У Цяо	23
У Цяо и война	24
Два кувшина	25
Смерть Цинь Хуа	26
Об уважении	26
У Цяо и странствующий философ	27
Почести и память	29

О потерях и находках.....	29
Времена года.....	30
О настроениях.....	31
Небо над холмами.....	33
Исчезновение У Цяо.....	34